

Энергетическая дипломатия в эпоху энергоперехода

Руслан Аллахверди оглы Алиев, Торговое представительство
Азербайджанской Республики в Российской Федерации,
Москва, Россия

Контактный адрес: torgpredaz@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Развитие международных отношений после нефтяного кризиса 1973 г. сопровождалось формированием таких явлений и понятий, как глобальная и региональная энергетическая безопасность, энергетическая безопасность государств, внешняя энергетическая политика и энергетическая дипломатия. Институционализация и развитие механизмов, обеспечивающих энергетическую безопасность, в том числе на глобальном уровне, происходили и происходят в условиях доминирования в мировом энергетическом балансе углеводородного ископаемого топлива, а также увеличения энергопотребления во всем мире. Приоритетами ее обеспечения на глобальном, региональном и государственном уровнях являлись и являются безопасность спроса, поставок и транзита углеводородного сырья, диверсификация источников энергии. После подписания в 2015 г. Парижского соглашения по климату предпринимаются усилия по форсированию процессов низкоуглеродной трансформации мировой экономики и темпов глобального энергетического перехода, для чего используются механизмы ответственного инвестирования, углеродного регулирования, управления выбросами парниковых газов (климатический менеджмент); используется многообразие социально значимых интерпретаций происходящих климатических изменений. Эти процессы все в большей степени определяют внешнюю энергетическую политику государств, международную энергетическую дипломатию и оказывают влияние на сформировавшиеся ранее механизмы обеспечения энергетической безопасности. Цель статьи – обобщение и систематизация происходящих изменений в деятельности как традиционных международных центров и институтов энергетической политики глобального уровня, так и относительно новых международных площадок в рассматриваемой предметной области, в первую очередь Конференций Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, и их влияния на энергетическую политику и энергетическую дипломатию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*энергетическая дипломатия, глобальный энергетический переход, энергетическая
безопасность, энергетическая политика, изменение климата*

Введение

Рассматривая глобальный ландшафт, в рамках которого развивался мировой топливно-энергетический комплекс, необходимо остановиться на нескольких ключевых событиях, значительным образом повлиявших на формирование энергетической дипломатии.

14 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 1514 о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Благодаря деятельности ООН был утвержден принцип полного суверенитета государств над своими природными ресурсами как «ключевого элемента политического и экономического процесса деколонизации»¹. Однако технологии эксплуатации природных ресурсов оставались в руках ТНК промышленно развитых стран, экспортирующих энергетические ресурсы.

Развитие международных отношений после нефтяного кризиса 1973 г. сопровождалось формированием таких явлений и понятий, как глобальная и региональная энергетическая безопасность, энергетическая безопасность государств, внешняя энергетическая политика и энергетическая дипломатия. Институционализация и развитие механизмов, обеспечивающих энергетическую безопасность, в том числе на глобальном уровне, происходили и происходят в условиях доминирования в мировом энергетическом балансе углеводородного ископаемого топлива, а также увеличения энергопотребления во всем мире.

На конец 1960-х –1980-е годы пришелся этап оформления глобального видения мира, когда были организованы и начали функционировать влиятельные международные институты, проведены статусные международные форумы и конференции по вопросам нового мироустройства. В этот период закладываются основы концепции устойчивого развития, важным элементом которой стала реализация политики глобальной энергетической безопасности². В 1972 г. в Вене под эгидой Римского клуба был открыт Международный институт прикладного системного анализа (IIASA). В 1973 г. первым проектом института стала разработка программы исследования энергетических систем с целью переориентации мировой экономики с нефти и газа на альтернативные источники энергии (солнечную и ядерную)³.

В 1979 г. на первой климатической конференции ООН в Женеве была принята первая программа действий по стабилизации климата. В 1988 г. создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК / IPCC). Цель создания МГЭИК – предоставление оценок состояния научного, технического и социально-экономического знания об изменении климата, его причинах, потенциальных последствиях и стратегиях реагирования. С 1988 г. усилиями МГЭИК выпущено шесть оценочных докладов и несколько специальных докладов по конкретным темам, таким как экстремальные явления и бедствия, возобновляемые источники энергии и др. МГЭИК также опубликовала ряд методологических докладов, в которых содержатся практические руководящие указания по подго-

1 Гаттини 2008.

2 Григорьева 2016

3 Толеген, Рякова, Савчук 2022.

товке кадастров парниковых газов в соответствии с требованиями к отчетности о кадастрах Сторон РКИК ООН. Доклады МГЭИК представляют консолидированную международную позицию научного сообщества для принятия политических решений по вопросам изменения климата.

На конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. была принята Рамочная конвенция ООН по изменению климата (РКИК ООН). Данной конвенцией учреждалась новая форма международного сотрудничества стран в области защиты климата – Конференция сторон (*Conference of the Parties*), или климатические конференции (*COP*). Цель конференций – «рассмотрение вопросов об осуществлении Конвенции и любых связанных с ней правовых документов, которые могут быть приняты Конференцией сторон»; конференция «выносит, в пределах своих полномочий, решения, необходимые для содействия эффективному осуществлению Конвенции».

Проблемы экологии, обеспечения энергией и глобального развития занимали и занимают значимое место в таких программных документах ООН, как «Цели развития тысячелетия», принятые в 2000 г. (ЦРТ 7: Обеспечение устойчивого развития окружающей среды; ЦРТ 8: Формирование глобального партнерства в целях развития), и «Цели устойчивого развития», принятые в 2015 г. (ЦУР 7: Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех; ЦУР 17: Партнерство в интересах устойчивого развития и кластер экологических ЦУР).

При этом именно энергетике отводится место «лидера» среди всех секторов экономики по вкладу в ухудшение состояния окружающей среды. Выбросы CO_2 от сжигания ископаемого топлива и промышленных процессов составляют около 78% от общего количества парниковых газов¹.

Как отмечала в 2015 г. В.В. Панова, несмотря на создание значительного количества организаций и институтов, вовлеченных в вопросы обеспечения глобальной энергетической безопасности, ни одна из существующих международных организаций не способна гармонизировать зачастую противоположные интересы заинтересованных сторон, в первую очередь экспортеров и импортеров энергетических ресурсов². Данное утверждение не утратило своей актуальности.

В публикации Мирового энергетического совета (МИРЭС) за 2022 г. «Обзор главных энергетических вызовов и приоритетов: энергетика в смятении – достигая заявленных целей усилиями сообщества» констатируется, что в настоящее время «возникает высокодинамичный энергетический ландшафт, характеризующийся созданием новых коалиций и конкуренцией в рамках “энергетической экосистемы”. В отсутствие эффективной глобальной системы управления энергетикой сохраняются противоречия в энергетических интересах сетей и территорий»³.

1 “Climate Change 2014. Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Summary for Policymakers,” IPCC, 2014, accessed December 01, 2023, https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/ipcc_wg3_ar5_summary-for-policymakers.pdf.

2 Панова 2015.

3 Обзор главных энергетических вызовов и приоритетов: энергетика в смятении – достигая заявленных целей усилиями сообщества // Мировой энергетический совет. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldenergy.org/assets/downloads/WEIM2022_-_Global_%28Russian%29.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

Таким образом, лидирующую роль в мировом энергетическом пространстве продолжают занимать суверенные государства, однако существует большое количество акторов, механизмов сетевого управления, оказывающих влияние на энергетическую дипломатию.

Энергетика, климат и дипломатия

Основоположник энергетической дипломатии в России и в мире, автор термина «энергетическая дипломатия», профессор МГИМО С.З. Жизнин определяет энергетическую дипломатию как «междисциплинарную отрасль, симбиоз экономики, политологии, экологических и технических наук»¹. По справедливому мнению С.З. Жизнина, энергетический фактор играет в международных отношениях ключевую роль, сравнимую с военным. Основной задачей энергетической дипломатии любого государства является внешнеполитическое обеспечение национальных энергетических интересов в международных экономических отношениях².

Акторы энергетической дипломатии, взаимодействующие в международной среде, могут быть разделены на четыре группы – глобальные организации, в рамках которых решаются вопросы энергетической безопасности; региональные организации; национальные государства; неправительственные акторы (в том числе транснациональные корпорации)³. Помимо ООН, ведущую роль в обеспечении глобальной энергетической безопасности и осуществлении энергетической дипломатии играют Международное энергетическое агентство (*IEA*), Организация стран-экспортеров нефти (*OPEC*), Международное агентство по атомной энергии (*МАГАТЭ*), Международный энергетический форум (*IEF*), Международное агентство по возобновляемой энергии (*IRENA*), Форум стран – экспортеров газа (*GECF*), а также «Группа двадцати».

Современные международные отношения в энергетической сфере характеризуются как процессами глобализации, так и интеграцией энергетических политик стран отдельных регионов. Наиболее ярким примером проведения единой внешней энергетической политики и дипломатии на региональном уровне является Европейский Союз. Определенное внимание уделяется вопросам интеграции энергетической политики государствами – членами АТЭС и другими интеграционными объединениями, но в значительно меньшей степени, чем в ЕС.

В энергетической дипломатии можно выделить несколько компонентов, связанных с природным происхождением основных источников энергии. И если после нефтяного кризиса 1973 г. внимание участников энергетической дипломатии было сконцентрировано в основном на нефти, то в настоящее время не меньшее значение имеют газовая дипломатия⁴ и ядерные аспекты энергетической дипломатии⁵. По мере происходящих изменений в мировом энергобалансе – соотношении различных первичных источников энергии (нефти, угля, природного

1 Жизнин 2019.

2 Жизнин, Тимохов 2016.

3 Григорьева 2016.

4 Типайлов 2023.

5 Жизнин 2017а.

газа, гидроэнергетики, ядерной энергии и прочих, в том числе возобновляемых, источников энергии), из которых производится вторичная энергия для прямого использования, такая как электричество, – следует ожидать развития и приоритизации соответствующих составляющих энергетической дипломатии.

В 2008 г. увидело свет издание «Дипломатия ресурсов: Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века», в котором международные отношения рассматривались через призму ресурсного потенциала; охарактеризованы ключевые проблемы, связанные с использованием, добычей и управлением мировыми ресурсами, в частности вопросы международного сотрудничества в сфере энергетики¹.

Исследователи энергетической дипломатии в последние годы уделяют особое внимание экологии, реализации концепции устойчивого развития², значению возобновляемых, в том числе вторично возобновляемых, источников энергии в обеспечении энергетической безопасности³.

К настоящему времени сформировался целый кластер направлений в дипломатии, формирующих контур современных международных отношений, напрямую связанный с энергетической дипломатией, прежде всего это: экологическая дипломатия и «вышедшие» из нее климатическая дипломатия, дипломатия стихийных бедствий и катастроф, а также дипломатия ресурсов.

Главные документы международной климатической дипломатии – Киотский протокол и Парижское соглашение. Именно принятие РКИК в 1992 г. считают датой рождения климатической дипломатии⁴.

На уровне ООН закреплена конвенциональная позиция, утверждающая негативное влияние техногенной деятельности человечества на процессы изменения климата. Обозначены приоритеты в борьбе с изменениями климата: снижение концентрации парниковых газов в атмосфере и достижение большинством стран углеродной нейтральности, а также предотвращение климатических рисков и противодействие последствиям их реализации.

В многочисленных публикациях, в том числе ООН, МГЭИК, других организаций, приводятся данные о том, что изменение климата способствует увеличению количества экстремальных погодных явлений и стихийных бедствий. В зависимости от реализации предложенных МГЭИК климатических сценариев, текущий прогнозируемый диапазон повышения уровня моря к 2100 г. относительно показателя 2000 г. оценивается в пределах от 0,3 до 1,2 м, а в случае таяния антарктических льдов может составить до 2,4 м. На данный момент средний уровень Мирового океана повысился с 1900 г. примерно на 21 см, а за последние 25 лет рост составил 7,5 см. Главная проблема – затопление прибрежных районов и малых островных государств. Предупреждение и преодоление последствий стихийных бедствий сопровождается формированием «дипломатии стихийных бедствий»⁵.

1 Гудерцо, Наполитано 2008.

2 Жизнин 2017b.

3 Жизнин, Дакалов 2019.

4 Ковалев, Степанов, Бурнасов 2017.

5 Симаганал, Р. Насколько катастрофам нужна дипломатия // РСМД. 5 июня 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/naskolko-katastrofam-nuzhna-diplomatiya/?ysclid=ireyp0wda2904590715> (дата обращения: 01.12.2023).

Энергопереход

Существует несколько методологических подходов к понятию «энергопереход»:

- фундаментальные структурные изменения энергетического комплекса отдельных стран мира¹;
- изменение характера глобальной энергетики от базирования на ископаемых топливах к «нулевой эмиссии» к концу текущего столетия²;
- структурные изменения в процессах формирования мирового спроса на энергию, формирования потребностей в новых, более экологических способах производства энергии³.

Вацлав Смил в работе «Энергия и цивилизация. От первобытности до наших дней» рассматривает энергопереход как «изменение структуры первичного энергопотребления и постепенный переход от существующей схемы энергообеспечения к новому состоянию энергетической системы»⁴. Автор дает количественную оценку данного процесса, определяя энергопереход как «изменение доли энергоносителя в энергобалансе на 10% за 10 лет», соответственно выделяя следующие периоды в человеческой истории, которые можно определить как энергопереход:

- 1840–1900 гг. – переход от биомассы (в основном дров) к углю, за указанный период доля угля в энергобалансе возросла с 5 до 50%;
- 1915–1975 гг. – переход на нефть, доля которой возросла с 3% в 1915 г. до 45% в 1975 г.;
- 1930–2017 гг. – переход на природный газ (рост доли с 3% в 1930 г. до 23% в 2017 г.) за счет частичного вытеснения угля и нефти.

Четвертый энергопереход связывают с развитием возобновляемой энергетики, глобальной трансформацией энергосетей на основе цифровизации и децентрализации, сокращением энергопотребления и повышением энергоэффективности, развитием альтернативных видов топлива⁵. Трансформацию мировой энергетики можно будет считать состоявшейся при достижении доли нетопливных источников в глобальном энергетическом балансе свыше 50%.

Энергетические переходы к углю, нефти и природному газу были обусловлены экономическими причинами. Текущий энергопереход в равной мере обусловлен экономическими, политическими и экологическими факторами. Если ранее энергопереходы осуществлялось в рамках одной группы энергоносителей – ископаемых углеводородов, то четвертый энергопереход связан с формированием новой концепции безуглеродной энергетики. Ежегодный прирост установленной мощности в ветровой и солнечной генерации в мире составляет сотни гигаватт, а инвестиции в возобновляемую энергетику превышают 300 млрд долл. США в год⁶.

1 “2014 World Energy Issues Monitor,” World Energy Council, 2014, accessed December 01, 2023, <https://www.worldenergy.org/assets/downloads/World-Energy-Issues-Monitor-2014.pdf>.

2 “Perspectives for the Energy Transition: Investment Needs for a Low-carbon Energy System. Chapter 3: Global Energy Transition Prospects and the Role of Renewables,” IRENA, March 2017, accessed December 01, 2023, https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2017/Mar/Perspectives_for_the_Energy_Transition_2017.pdf.

3 “Advancing the Energy Transition,” bp.com, 2018, accessed December 01, 2023, <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/sustainability/group-reports/bp-advancing-the-energy-transition.pdf>.

4 Смил 2020.

5 Клепач, Окорочкова, Тиньков 2023.

6 Алиев, Алиев 2022.

Значительное внимание в энергетической картине будущего отводится водороду и водородной энергетике. Евросоюз в настоящее время имеет наиболее детализированную водородную стратегию. При этом ЕС ориентируется в первую очередь на производство «зеленого» водорода (производимого с использованием ВИЭ), а США – т.н. чистого водорода (с установленным «потолком» выбросов парниковых газов при производстве). Развитие водородной энергетики требует значительных инвестиций, объем которых в США и ЕС сопоставим.

В научном и экспертном сообществе отсутствует единый подход к механизмам и технологиям достижения целей низкоуглеродной трансформации и будущего мировой энергетики.

Ю.Г. Рыковым произведено сопоставление более 70 различных сценариев развития мировой энергетики и перспектив энергоперехода, предложенных 14 организациями в разные годы, в том числе МЭА, ОПЕК, Институтом экономики энергетики Японии (*Institute of Energy Economics Japan, IEEJ*), Массачусетским технологическим институтом (*Massachusetts Institute of Technology, MIT*), Институтом энергетических исследований РАН (ИНЭИ), БиПи (*BP*) и др. Были выявлены основные характеристики, которые присутствуют практически в каждом сценарии будущего мировой энергетики: потребление первичной энергии (ППЭ), объем выбросов углекислого газа от сжигания углеводородных топлив, индекс роста ВВП. На основании проведенного анализа сформированы три основных пути эволюции мировой энергетики (приводимые числовые оценки относятся к перспективе 2040 г.)¹:

- инерционный, характеризующийся ростом как ППЭ (на 25–40%), так и объема выбросов CO_2 (на 7–20%); перспективный баланс – ВИЭ ~ 20%, газ ~ 25%, нефть ~ 28%, уголь ~ 22%;
- нормативный экологический, характеризующийся немедленной стабилизацией, а затем снижением (на 3–5%) ППЭ и резким (в два раза) сокращением выбросов CO_2 ; перспективный баланс – ВИЭ ~ 32%, газ ~ 25%, нефть ~ 23%, уголь ~ 7–12%;
- низкоуглеродный, характеризующийся ростом ППЭ (на 20–30%) и сокращением выбросов CO_2 после 2025 г. (на 30%); перспективный баланс – ВИЭ ~ 30%, газ ~ 20–30%, нефть ~ 23%, уголь ~ 15%.

Низкоуглеродная трансформация глобальной экономики

В настоящее время низкоуглеродная трансформация глобальной экономики сопровождается решением трех основных проблем:

- создание соответствующих финансовых механизмов, в том числе таксономии «зеленых» проектов и ответственного (*ESG*) инвестирования;
- стимулирование производителей к внедрению новых технологий на уровне государств, международных неправительственных организаций развития, банковского сектора, СМИ и «зеленой» общественности на этапе, когда эффективность этих технологий еще не превышает эффективности использования традиционных энергетических источников;

– выбор приоритетных новых энергетических источников и технологий для их использования в мировом масштабе.

Климатическая политика и низкоуглеродная трансформация вплетены в стандарты нефинансовой отчетности бизнеса и ESG-рейтинги. В западных странах последовательно создавалась международная система финансовых, инвестиционных, рейтинговых институтов, которые подталкивают компании ТЭК к более высоким темпам энергоперехода.

Опрос экспертов в области устойчивого развития от консалтинговой компании *Sustain Ability*¹ обозначил наиболее качественные и полезные ESG-рейтинги, на которые стоит обратить внимание при формировании инвестиционного портфеля. В топ вошли следующие:

- *S&P Global Scores (SAM)*;
- *Sustainalytics ESG Risk Rating*;
- *MSCI ESG Rating*;
- *CDP Climate, Water & Forest Scores*.

Также среди топ-10 ESG-рейтингов, которые не попали в список выше, упомянуты: *ISS QualityScore*, *Bloomberg ESG Disclosure Scores*, *ISS-Oekom Corporate Rating*, *Vigeo Eiris Sustainability Rating*, *FTSE Russell's ESG Ratings* и *Thompson Reuters ESG Scores*. Во всех этих рейтингах присутствуют показатели по климатической политике рейтингуемых компаний.

Наиболее востребованным экономическим механизмом снижения выбросов парниковых газов являются системы торговли выбросами парниковых газов (СТВ, *Emissions Trading System, ETS*). СТВ работает по принципу *cap-and-trade* («ограничения и торговли»). Первая в мире международная программа ограничения выбросов и торговли квотами с целью достижения климатических целей в рамках Киотского протокола была создана в 2005 г. в соответствии с директивой Европарламента и Европейского Совета 2003/87/ЕС. Специального рассмотрения заслуживают локальные климатические решения, к которым можно отнести систему трансграничного углеродного регулирования (ТУР), реализуемую в рамках «Зеленой сделки» ЕС (*European Green Deal*), в соответствии с которой компании-экспортеры обязаны представлять ЕС отчеты о выбросах и приобретать сертификаты на выбросы. ТУР – новый элемент международного углеродного регулирования. Прямые экономические последствия для стран с недостаточно активной климатической политикой становятся действенным механизмом принуждения к сокращению эмиссии парниковых газов. Введение ТУР является расширением *EU ETS* на импортируемую продукцию.

Правительства стран ЕС и уполномоченные ими органы, оставаясь в рамках международного права, не могут осуществлять прямой контроль выбросов парниковых газов в компаниях третьих стран, если не заключены соответствующие межправительственные соглашения, поскольку это означало бы вмешательство в производственную деятельность хозяйствующих субъектов суверенных государств. Поэтому субъектами регулирования в *CBAM* определены импортеры ЕС,

¹ "Rate the Raters 2020: Investor Survey and Interview Results," SustainAbility, an ERM Group company, March 2020, accessed December 01, 2023, <https://www.sustainability.com/globalassets/sustainability.com/thinking/pdfs/sustainability-ratetherraters2020-report.pdf>.

а не иностранные производители. В.Г. Варнавский придерживается мнения, что ТУР имеет все признаки дискриминации, протекционизма, ограничений конкуренции в эколого-производственной сфере по отношению к экспортерам¹.

Энергетическая дипломатия в условиях энергоперехода

В публикации Аналитического центра при Правительстве РФ «Энергетический бюллетень. Глобальное регулирование энергетики» авторы, ссылаясь на исследования Дж. Колгана, Р. Кеохейна и Т. Ван де Граафа в области эволюции глобального энергетического регулирования и концепцию «прерывистого равновесия»², постулирующую, что развитие институтов регулирования происходит не равномерно, а «рывками», прогнозировали, что после заключения глобального климатического соглашения в 2015 г. в Париже вопрос о модернизации глобального энергетического регулирования выйдет на первый план³. Данный прогноз сбился в полной мере, что отражается в принятых на себя государствами обязательствах, зафиксированных в их документах стратегического развития, а также в обязательствах, принятых на конференциях сторон РКИК. На сегодняшний день к Парижскому соглашению присоединились 194 стороны.

Ниже приведены примеры стран и принятых в них документов по энергетической безопасности и климатической повестке (формулировки целевых установок и показателей по энергобалансу даны по А.Н. Клепачу, А.А. Окорочковой, Н.Г. Тинькову, 2023⁴).

США. Закон о снижении инфляции в Соединенных Штатах Америки (*Inflation Reduction Act in the United States*). В числе целевых установок – сокращение выбросов парниковых газов.

Страны ЕС. Европейская климатическая программа “*Fit for 55*”. План Европейской комиссии “*REPowerEU*”. В числе целевых установок – дальнейшее развитие возобновляемой энергетики.

КНР. План современной энергетической системы «14-я пятилетка». В числе целевых установок до 2025 г.: увеличить долю потребления и долю выработки неископаемой энергии до 20 и 39% соответственно; сократить выбросы углекислого газа на единицу ВВП на 18%; совокупно снизить потребление энергии на единицу ВВП на 13,5%.

Япония. Программа «Зеленая трансформация» Японии (“*Green Transformation (GX) programme*”). В числе целевых установок до 2030 г.: достичь углеродной нейтральности к 2050 г.; увеличить долю ВИЭ в энергобалансе страны до 36–38%; увеличить установленную мощность морских ВЭС до 10 ГВт, СЭС до 104–118 ГВт; возобновить использование ядерной энергетики и увеличить ее долю в энергобалансе до 20–22%.

Южная Корея. «9-й базовый план по спросу на электроэнергию на 2020–2034 гг. Южной Кореи». В числе целевых установок до 2034 г.: доля ВИЭ составит

1 Варнавский 2023.

2 Colgan, Keohane, Van de Graaf 2011.

3 Энергетический бюллетень. Ежемесячное издание // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Выпуск № 9, январь 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/1546.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

4 Клепач, Окорочкова, Тиньков 2023.

42%, СПГ – 32%, угля – 16%, атомной энергии – 10%; установленная мощность ВИЭ составит 77,8 ГВт.

Введение ТУР вызывало обсуждение не только внутри стран ЕС, но и между ЕС и государствами, которые подпадают под воздействие данного механизма, а также разбирательства в Европейском суде и ВТО¹². Акцентирование на проблемах, связанных с ТУР, позволяет понять, что развитие механизмов углеродного регулирования, несомненно, является предметом энергетической дипломатии, даже в большей степени, чем климатической.

Важнейшими площадками энергетической дипломатии в настоящее время являются конференции сторон РКИК ООН. Ниже приведены некоторые решения и события трех последних конференций сторон РКИК, значимые для низкоуглеродного развития мировой экономики.

COP26 (Глазго, 2021). 44 государства поддержали заявление об ускорении перехода от угля к производству электроэнергии с нулевыми выбросами парниковых газов. Более 100 государств присоединились к Глобальному обязательству по метану. Согласно документу, они обязуются к 2030 г. снизить выбросы метана на 30%. Более 137 государств обязались достичь нулевого уровня выбросов к 2050 г.

Более 40 мировых лидеров согласились с планом, возглавляемым Великобританией, по ускорению развития доступных экологически чистых технологий к 2030 г., включая транспортные средства с нулевым уровнем выбросов.

Важным событием *COP26* стало опубликованное совместное заявление Китая и США, двух крупнейших эмитентов парниковых газов, в котором они обязались до 2030 г. совместно бороться за ограничение роста средней температуры приземного слоя атмосферы в 1,5°C.

COP27 (Шарм-эль-Шейх, 2022). Создание специального Фонда по финансированию «потерь и ущерба» (*"loss and damage"*), направленного на решение проблемы выплаты компенсаций развитыми странами наиболее пострадавшим от климатического кризиса беднейшим странам, внесшим наименьший вклад в кризис. Обещания предоставить финансирование для фонда дали ряд государств, в том числе Австрия, Бельгия, Дания, Канада, Новая Зеландия, Франция, ФРГ, а также Шотландия.

Был принят пакет из 25 новых совместных действий по ускорению декарбонизации в пяти ключевых областях: энергетика, автомобильный транспорт, сталь, водород и сельское хозяйство. На *COP27* коалиция из более чем 80 государств выступила за расширение формулировок *COP26* по углю, настаивая на включение всех видов ископаемого топлива. Хотя это предложение не вошло в итоговый текст решения *COP27*, давление на РКИК ООН, направленное на такое решение, возросло³. Отметим, что саммит 2022 г. продлился на два дня дольше запланированного из-за крайне сложных переговоров по итоговому акту. Положение о постепенном отказе от всех ископаемых энергоресурсов не попало

1 Бажин, Рогинко 2020.

2 Стрежнева 2023.

3 Василенко, Е. Итоги 28-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата // РСМД. 25 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/itogi-28-y-konferentsii-ramochnoy-konventsii-onn-ob-izmenenii-klimata/?ysclid=lrfo1kdqne816693879> (дата обращения: 26.12.2023).

в итоговый акт конференции – против высказались Иран, Китай и Саудовская Аравия. Одним из достижений COP27 стало возобновление климатического диалога между США и Китаем, прерванного после визита Нэнси Пелоси на Тайвань в августе 2022 года.

COP28 (Дубай, 2023). Итоговое решение COP28 содержит призыв к ускорению усилий по созданию энергетических систем с чистыми нулевыми выбросами и поэтапному отказу от угольной энергетики. В тексте решения отмечается потенциальная роль «переходных видов топлива» (*"transitional fuels"*) в содействии энергетическому переходу при обеспечении энергетической безопасности. Сторонам, тем не менее, не удалось прийти к согласию по ряду вопросов, касающихся статей 6.2 и 6.4 Парижского соглашения об экономических механизмах функционирования углеродных рынков¹.

На конференции 50 крупнейших нефтегазовых компаний подписали обязательство сократить выбросы метана в рамках нефтегазовой деятельности к концу десятилетия. Сокращение метаноемкости их продукции предусматривается примерно на 80-90%. Они также договорились покончить с рутинным сжиганием газа в факелах к 2030 году.

Переговоры в Дубае в очередной раз подтвердили глубокие разногласия по поводу будущей роли нефти, газа и угля в мировой экономике. Коалиция из более чем 80 государств, в которую вошли США, Европейский Союз и малые островные государства, настаивала на заключении на COP28 договора, включающего формулировку о поэтапном отказе от ископаемого топлива с указанием его как основного источника парниковых выбросов и глобального потепления. Она столкнулась с жесткой оппозицией, возглавляемой группой стран ОПЕК и ее союзниками².

Примечательно, что следующая конференция сторон РКИК ООН – COP29 – состоится в Азербайджане. Необходимо отметить, в последние годы конференция сторон проходит в странах, являющихся экспортерами ископаемого топлива, но активно инвестирующих и в «зеленую» энергетику. Так, Азербайджан реализует национальную стратегию «30-процентная доля “зеленой энергии” в энергобалансе страны к 2030 году». Одним из ключевых векторов энергетической политики Азербайджана является сбалансированный подход к обеспечению энергоперехода, сочетающий в себе «зеленое развитие» и грамотную реализацию нефтегазовых проектов с внедрением мер операционной декарбонизации.

Основными акторами трансформационных процессов в национальном ТЭК являются Министерство энергетики Азербайджанской Республики и Государственная нефтяная компания SOCAR при участии компаний Masdar (ОАЭ) и ACWA Power (Саудовская Аравия). Реализация новых масштабных проектов в сфере ветровой и солнечной энергетики сопровождается внедрением высокотехнологичных систем хранения энергии. В целом в стране до 2030 г. планируется

1 Василенко, Е. Итоги 28-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата // РСМД. 25 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/itogi-28-y-konferentsii-ramochnoy-konventsii-onn-ob-izmenenii-klimata/?ysclid=lr01kdqne816693879> (дата обращения: 26.12.2023).

2 Сокращение выбросов и несогласие: итоги климатического саммита COP28 в Дубае // Постньюс. 13 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://postnews.ru/a/26649?ysclid=lr0fyqjxz233978899> (дата обращения: 25.12.2023).

создать 7 ГВт генерирующих мощностей в сфере ВИЭ¹, что позволит Азербайджану стать одним из ведущих экспортеров «зеленой» энергии в Европу. Для достижения этой цели ведутся работы по созданию соответствующей экспортной инфраструктуры – Черноморского силового кабеля *Black Sea Energy*, который соединит крупнейшие ветровые и солнечные электростанции Азербайджана с энергосистемой стран Европы через Грузию.

В рамках сокращения углеродного следа реализуемых в Азербайджане нефтегазовых проектов в 2023 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по развитию сотрудничества в сфере декарбонизации между SOCAR и Японским банком международного сотрудничества (JBIC), предусматривающий реализацию проектов по улавливанию, использованию и хранению углерода, а также производству водорода и аммиака².

В целом проведение COP29 в Баку отвечает двум целям. Во-первых, на примере Азербайджана участники конференции могут разработать собственный план постепенного перехода на «зеленую энергию». Во-вторых, выступая с позиции поставщика нефтегазовых ресурсов на мировой рынок, Азербайджан может объяснить миру возможные последствия радикального отказа от ископаемого топлива, призвав к более умеренному и мягкому энергопереходу³. Президент Ильхам Алиев подчеркивает необходимость создания синергии между природным газом и возобновляемыми источниками энергии и предлагает рассматривать их как единый комплекс⁴.

Заключение

На современном этапе продолжает активно развиваться и оформляться в качестве неотъемлемой составляющей всей системы международных отношений целый ряд направлений в дипломатии, имеющих непосредственное отношение к проблематике энергоперехода: энергетическая, климатическая, экологическая дипломатии, дипломатия природных ресурсов, дипломатия стихийных бедствий.

Так как сроки энергоперехода остаются в достаточной степени неопределенными и зависят от множества факторов, можно предположить, что энергетическая дипломатия будет меняться по мере конкретизации темпов энергоперехода. На современном этапе наибольшее значение будут сохранять газовое сотрудничество и газовая дипломатия, так как природный газ является ключевым «транзитным» источником энергии при переходе к углеродно-нейтральной экономике, а также сотрудничество в сфере ядерной энергетики. По мере развития технологий водородной энергетики, возможно, не менее значимым направлением в энергетической дипломатии станет водородная дипломатия.

1 Аббасова, Н. «Зелёный экспорт»: в Азербайджане до 2030 года планируется создать 7 ГВт генерирующих мощностей в сфере ВИЭ // Еженедельный аналитический журнал «Регион Плюс». 15 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://regionplus.az/ru/articles/view/8201> (дата обращения: 25.12.2023).

2 Ibid.

3 Тагиева, А. COP29 в Азербайджане: в чем смысл конференции и что она даст республике // SPUTNIK Азербайджан. 15 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://az.sputniknews.ru/20231215/cop29-v-azerbaydzhane-v-chem-smysl-konferentsii-i-cto-ona-dast-respublike-461326793.html?ysclid=lr13yvjzh817364500> (дата обращения: 25.12.2023).

4 Багирова, Ф. Общим консенсусом на фоне разногласий: Решение о саммите COP29 в Баку как показатель непререкаемого авторитета Азербайджана в мире // 1news.az. 11 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://1news.az/news/20231211030740358-Obshchim-konsensusom-na-fone-raznoglasiy-Reshenie-o-sammite-COP29-v-Baku-kak-pokazatel-neprekaemogo-avtoriteta-Azerbaidzhana-v-mire> (дата обращения: 25.12.2023).

После подписания в 2015 г. Парижского соглашения по климату предпринимаются усилия по форсированию процессов низкоуглеродной трансформации мировой экономики и темпов глобального энергетического перехода, для чего используются механизмы ответственного инвестирования, углеродного регулирования, управления выбросами парниковых газов (климатический менеджмент). Эти процессы все в большей степени определяют внешнюю энергетическую политику государств, международную энергетическую дипломатию и оказывают влияние на сформировавшиеся ранее механизмы обеспечения энергетической безопасности.

Проблематика низкоуглеродного развития влияет на всех акторов энергетической дипломатии: глобальные и региональные организации, национальные государства и неправительственных акторов, в том числе транснациональные корпорации.

Важнейшими площадками энергетической дипломатии в настоящее время являются конференции сторон РКИК ООН. Данный вектор будет сохраняться в ближайшей и среднесрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиев, Д. Ф., Алиев, Р. А. Энергетический переход. Часть 1. Базовая бескарбоновая генерация. М.: Прометей, 2022. 523 с.

Aliiev, Dzhamart F., and Ruslan A. Aliiev. *Jenergeticheskij perehod. Chast' 1. Bazovaja beskarbonovaja generacija*. Moscow: Prometej, 2022 [In Russian].

Бажин, А. И., Рогинко, С. А. Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС: статус, риски и возможный ответ // Серия «Аналитические записки Института Европы РАН». 2020. № 44 (№227). С. 1–14. <http://doi.org/10.15211/analytics442020>.

Bazhin, Anatolij I., and Sergej A. Roginko. "EU Carbon Border Adjustment Mechanism: status, risks and possible response." *Series of articles in journal "Analytical papers of the Institute of Europe RAS"* 44, no. 227 (2020): 1–14 [In Russian].

Варнавский, В. Г. Трансграничное углеродное регулирование Евросоюза: новый инструмент глобального управления // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15>.

Varnavskij, Vladimir G. "Carbon Border Adjustment Mechanism of the European Union: a New Tool of Global Governance." *World Economy and International Relations* 67, no. 1 (2023): 5–15 [In Russian].

Василев, С. С., Жизнин, С. З. Значение вторично-возобновляемых источников энергии (ВВИЭ) для целей устойчивого развития // Казанский экономический вестник. 2017. № 4. С. 36–42.

Vassilev, Stefan S., and Stanislav Z. Zhiznin. "The Value of the Secondary-renewable Energy Sources (SRES) for Sustainable Development Goals." *Kazan Economic Vestnik*, no. 4 (2017): 36–42 [In Russian].

Гаттини, А. Роль ООН в управлении природными ресурсами от принципа абсолютного суверенитета к принципу устойчивого развития // Дипломатия ресурсов: сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века / отв. ред. А. В. Торкунов; под ред. М. Гудерцо, М. Л. Наполитано. М.: Навона, 2008.

Gattini, A. "Rol' OON v upravlenii prirodnymi resursami ot principa absoljutnogo suvereniteta k principu ustojchivogo razvitiya." In *Diplomatija resursov: syr'evye resursy i sistema mezhdunarodnyh otnoshenij dvadcatogo veka*, edited by Massimiliano Guderco, and Matteo Luidzhi Napolitano. Moscow: Navona, 2008 [In Russian].

Григорьева, О. В. Характерные особенности международных организаций как акторов энергетической дипломатии // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 81–85. Grigorieva, Oksana V. "Characteristics of International Organizations as Actors of Energy Diplomacy." *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration* 5, no. 1 (2016): 81–85 [In Russian].

Гудерцо, М., Наполитано, М. Л. Дипломатия ресурсов: сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века / отв. ред. А. В. Торкунов; под ред. М. Гудерцо и М. Л. Наполитано. М.: Навона, 2008. 448 с.

Guderco, Massimiliano, and Matteo Luidzhi Napolitano. *Diplomatija resursov: syr'evye resursy i sistema mezhdunarodnyh otnoshenij dvadcatogo veka*, edited by Massimiliano Guderco, and Matteo Luidzhi Napolitano. Moscow: Navona, 2008 [In Russian].

Жизнин, С. З. Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики. Интервью со Станиславом Захаровичем Жизниным, российским дипломатом, доктором экономических наук, профессором МГИМО, президентом Центра энергетической дипломатии и геополитики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 472–479. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-472-479.

Zhiznin, Stanislav Z. "Energy Diplomacy in Contemporary World: Less Economy, More Geopolitics Interview with Stanislav Zhiznin, Russian diplomat, PhD in Economics, Dr. of Science (Economics), Professor of MGIMO-University, President of the Center of Energy Diplomacy and Geopolitics." *Vestnik RUDN. International Relations* 19, no. 3 (2019): 472–479 [In Russian].

Жизнин, С.З., Тимохов, В.М. Технологические аспекты энергетической дипломатии России // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Том 48. № 3. С. 43–53. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-43-53>.

Zhiznin, Stanislav Z., and Vladimir M. Timohov. "Technological Aspects of Russian Energy Diplomacy." *MGIMO Review of International Relations* 48, no. 3 (2016): 43–53 [In Russian].

Жизнин, С.З., Тимохов, В.М. Ядерные аспекты энергетической дипломатии. Москва: МГИМО, 2017а. 264 с.

Zhiznin, Stanislav Z., and Vladimir M. Timohov. *Jadernye aspekty jenergeticheskoy diplomatii*. Moscow: MGIMO, 2017a [In Russian].

Жизнин, С.З., Тимохов, В.М. Экология мировой энергетики и устойчивое развитие // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017b. № 9. Ч. 6. С. 36–39.

Zhiznin, Stanislav Z., and Vladimir M. Timohov. "Jekologija mirovoj jenergetiki i ustojchivoje razvitie." *Competitiveness in a Global World: Economics, Science, Technology*, no. 9 (2017b): 36–39.

Жизнин, С.З., Тимохов, В.М. Влияние энергетики на устойчивое развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2017с. Том 61. № 11. С. 34–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-34-42.

Zhiznin, Stanislav Z., and Vladimir M. Timohov. "Energy Impact on Sustainable Development." *World Economy and International Relations* 61, no. 11 (2017с): 34–39 [In Russian].

Жизнин, С.З., Черечукин, А.В. Факторы развития и внедрения чистых угольных технологий в мировой экономике // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2020. № 6. С. 27–37.

Zhiznin, Stanislav Z., and Andrej V. Cherechukin. "Factors of development and introduction of clean coal-mining technologies in the world economy." *Mining Informational and Analytical Bulletin*, no. 6 (2020): 27–37 [In Russian].

Клепач, А.Н., Окороchkova, А.А., Тиньков, А.Г. Трансформация мирового топливно-энергетического порядка: стратегические приоритеты // Нефтегазовая вертикаль. 2023. № 5. С. 76–83.

Klepach, Andrej N., Anastasia A. Okorochkova, Nikita G. Tin'kov. "Transformacija mirovogo toplivno-jenergeticheskogo porjadka: strategicheskie prioritety." *Neftegazovaja vertikal'*, no. 5 (2023): 76–83 [In Russian].

Ковалев, Ю.Ю., Степанов, А.В., Бурнасов, А.С. Международная климатическая дипломатия в поисках решения глобальной проблемы // Известия Уральского федерального университета. 2017. Т. 12. № 1. С. 117–131.

Kovalev, Jurij J., Anatolij V. Stepanov, Aleksandr S. Burnasov. "International Climate Diplomacy in Search for a Solution to Global Problem." *Izvestia. Ural Federal University Journal* 12, no. 1 (2017): 117–131 [In Russian].

Панова, В.В. Глобальное управление в сфере энергетики: миф или реальность? // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 1. С. 143–158. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-01-143>.

Panova, Viktoria V. "Governing Global Energy: Myth or Reality?" *International Organisations Research Journal* 10, no. 1 (2015): 143–158 [In Russian].

Рыков, Ю.Г. Сравнительный анализ долгосрочных сценариев развития мировой энергетики: перспективы энергоперехода // Мировая экономика и энергетика: драйверы перемен / под ред. С.В. Жукова. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 107–124. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0571-0>.

Rykov Jurij G. "Sravnitel'nyj analiz dolgosrochnyh scenarijev razvitiya mirovoj jenergetiki: perspektivy jenergoperedehoda." In *Global Economy and Energy: Drivers for Changing*, edited by S. Zhukov, 107–124. Moscow: IMEMO RAS, 2020 [In Russian].

Тупайлов, Е.А. Международная климатическая повестка как инструмент западной газовой дипломатии: рабочая тетрадь № 80. М.: НП РСМД, 2023. 86 с.

Tupajlov, Evgenij A. *Mezhdunarodnaja klimaticheskaja povestka kak instrument zapadnoj gazovoj diplomatii: rabochaja tetrad'* № 80. Moscow: Russian Council, 2023 [In Russian].

Толеген, М.А., Рякова, Е.Г., Савчук, Е.В. Человечество в идеологии глобализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. № 3. С. 423–435. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.313>.

Tolegen, Mukhtar A., Yelena G. Ryakova, Yelena V. Savchuk. "Human in the Ideology of Globalism." *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies* 38, no. 3 (2022): 423–435 [In Russian].

Смил, В. Энергия и цивилизация. От первобытности до наших дней. Пер. Д.Л. Казаков. М.: Бомбора, 2020. 480 с.

Smil, V. *Jenergija i civilizacija. Ot pervobytnosti do nashih dnei*. Moscow.: Bombora, 2020 [In Russian].

Стрежнева, М.В. Углеродный сбор Евросоюза: на пересечении климатической и внешнеэкономической политики // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 53–67. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-03>.

Strezhneva, Marina V. "Carbon Levy of the European Union: at the Intersection of Climate and Trade Policies." *International Organisations Research Journal* 18, no. 2 (2023): 53–67.

Colgan Jeff D., Robert O. Keohane, and Thijs Van de Graaf. "Punctuated equilibrium in the energy regime complex." *The Review of International Organizations* 7, no. 2 (2011): 117–143.

Сведения об авторе

Руслан Аллахверди оглы Алиев,

к.э.н., торговый представитель

Азербайджанской Республики в Российской Федерации

125009, Россия, Москва, Тверская ул., 16, строение 1, сектор 701 В

e-mail: torgpredaz@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 9 сентября 2023.

Переработана: 30 декабря 2023.

Принята к публикации: 30 декабря 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Алиев, Р.А. Энергетическая дипломатия в эпоху энергоперехода // Международная аналитика. 2023. Том 14 (4). С. 91–106.

<http://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-91-106>

Energy Diplomacy in the Era of Energy Transition

ABSTRACT

The development of international relations after the 1973 oil crisis was accompanied by the emergence of such phenomena and concepts as global and regional energy security, energy security of states, foreign energy policy and energy diplomacy. Institutionalization and development of mechanisms ensuring energy security – including global energy security – occurred and continues to occur under the conditions of dominance of hydrocarbon fossil fuels in the world energy balance, as well as in the context of energy consumption worldwide. The priorities of its provision at the global, regional and state levels were and are the security of demand, supply and transit of hydrocarbon raw materials, and the diversification of energy sources. After signing the Paris Climate Agreement in 2015, efforts are being made to accelerate the low-carbon transformation of the world economy and the pace of the global energy transition. This involves mechanisms for responsible investment, carbon regulation, greenhouse gas emissions management (climate management); uses a variety of socially significant interpretations of ongoing climate change. These processes are increasingly determining the foreign energy policy of states, international energy diplomacy and influencing the previously formed mechanisms for ensuring energy security. The article is aimed at generalization and systematization of the ongoing changes in the activities of both traditional international centers and institutes of global energy policy, and relatively new international platforms in the subject area under consideration, primarily the Conferences of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change and their impact on energy policy and energy diplomacy.

KEYWORDS

energy diplomacy, global energy transition, energy security, energy policy, climate change

Author

Ruslan A. Aliev

PhD in Economic Science, Trade Representative of the Republic of Azerbaijan
in the Russian Federation,
Head of the Commission for Sustainable Development of the UN Association of Russia,
Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the 2nd class
16, 701B, Tverskaya street, Moscow, Russia, 125009
e-mail: torgpredaz@gmail.com

Additional information

Received: September 9, 2023. Revised: December 30, 2023. Accepted: December 30, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Aliev, Ruslan A. "Energy Diplomacy in the Era of Energy Transition."
Journal of International Analytics 14, no. 4 (2023): 91–106.
<http://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-91-106>